

М. И. РОСТОВЦЕВ И НЕИЗВЕСТНЫЕ ГЛАВЫ КНИГИ «СКИФИЯ И БОСПОР»

Биография М. И. Ростовцева, тесно связанная с бурными событиями XX в., четко разделяется на два почти равных по времени периода жизни. Первый связан с Россией, второй — преимущественно с Соединенными Штатами Америки.

Михаил Иванович Ростовцев родился 29 октября 1870 г. в Киеве, в семье преподавателя классической филологии и одного из организаторов классического образования в России И. Я. Ростовцева. В 1889 г. Михаил Иванович поступил на историко-филологический факультет Киевского университета, в 1891 г. перевелся в Петербургский университет, с которым связано 27 лет его творческой деятельности. В числе учителей М. И. Ростовцева были такие крупные ученые, как Н. П. Кондаков, Ф. Ф. Зелинский и Ф. Ф. Соколов. Еще в студенческие годы М. И. Ростовцев познакомился с С. А. Жебелевым и Я. И. Смирновым; они образовали своего рода триумvirат «фактопклонников», находившийся под непосредственным влиянием Н. П. Кондакова. Огромное значение в творческой судьбе М. И. Ростовцева имели его научные командировки после окончания университета: за три года он посетил Грецию, Италию, Францию, Англию, Испанию и Африку, где знакомился с археологическими раскопками и памятниками античной эпохи. Ростовцев много работал в музеях: об этом можно судить по его записным книжкам, хранящимся ныне в Центральном государственном историческом архиве¹. Защитив в 1899 г. магистерскую диссертацию по истории государственного откупа в Римской империи, М. И. Ростовцев становится приват-доцентом Петербургского университета. Начинается его интенсивная преподавательская деятельность. В 1903 г. за исследование по римским свинцовым тессерам М. И. Ростовцев получает звание доктора римской словесности. О масштабе его научной деятельности говорит даже краткое перечисление его трудов с 1903 по 1918 гг. М. И. Ростовцев завершил серию капитальных работ по различным вопросам древней истории: о римском колонате (1910), об эллинистическо-римском архитектурном пейзаже (1911), об античной декоративной живописи на юге России (1914), об истории Скифии и Боспорского царства (1918), написал около 100 фундаментальных научных статей. В университете он читал курс по истории древнего Рима, вел семинары по эпиграфике, археологии Запада и Северного Причерноморья; на Высших женских курсах читал лекции по истории древней Греции и Рима, был сотрудником «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона и «Нового энциклопедического словаря», регулярно печатался в журналах «Мир Божий», «Русская мысль», «Гермес» и ряде других периодических изданий. М. И. Ростовцев состоял членом Русского и Московского археологических обществ, являлся активным деятелем Археологической комиссии. В 1918 г. он стал членом Ученого совета Эрмитажа, где при поддержке А. Н. Бенуа, С. А. Жебелева, Б. В. Фармаковского им были заложены основы будущего отдела археологии². В 1914 г. М. И. Ростовцев был избран действительным членом Берлинской, а в 1917 г. и Российской Академии наук. Его выступления на Афинском конгрессе археологов (1905), Берлинском (1908) и Лондонском (1913) конгрессах историков имели огромный научный резонанс и способствовали подъему авторитета русской науки. М. И. Ростовцев был тесно связан со многими видными деятелями науки, культуры и искусства не только нашей страны, но и многих других стран. Его друзьями и соратниками были Вяч. И. Иванов, А. А. Блок, А. Н. Бенуа, И. А. Бунин, А. И. Куприн, Н. И. Кареев, В. В. Бартольд, В. В. Латышев, С. Ф. Ольденбург, П. Н. Мидюков, А. В. Луначарский (двоюродный брат М. И. Ростовцева), Э. Мейер, О. Мен-

¹ ЦГИА. Ф. 1041. Ед. хр. № 85—116.

² Архив Государственного Эрмитажа. Протоколы заседаний Совета Эрмитажа за июнь 1918 г.

тедус, Э. Мвинз, У. Виламовиц-Мёллендорф, Г. Масперо, С. Рейнак и многие другие³.

В 1917 г. Советское правительство предложило М. И. Ростовцеву работать в Народном комиссариате просвещения. Он отказался, но вошел во многие комиссии по национализации и передаче в музеи памятников культуры и искусства⁴. В июне 1918 г. М. И. Ростовцев уехал за рубеж. Многие его труды заграничного периода несут на себе явные черты модернизации древней истории, однако необходимо заметить, что эта тенденция, справедливо критикуемая многими советскими и зарубежными учеными, постепенно уступила место аналитическому характеру исследований. В 1920—1925 гг. М. И. Ростовцев преподавал в Медисонском университете (штат Висконсин, США), а с 1925 по 1944 г. возглавлял кафедру древней истории в Йельском университете. Его исследовательская деятельность была по-прежнему бурной и плодотворной. В этот период им были подготовлены и изданы знаменитые труды: «Социальная и экономическая история Римской империи» (1926), двухтомная «История античного мира» (1926—1927) и трехтомная «Социальная и экономическая история эллинизма» (1941). Проявился и талант М. И. Ростовцева как археолога: в 1927—1937 гг. он руководил раскопками в Дура-Европос. В ряде работ, написанных в связи с археологическими открытиями в этом древнем городе, М. И. Ростовцев наглядно продемонстрировал значение археологического материала для решения многих исторических проблем. В частности, именно раскопки в Дура-Европос позволили М. И. Ростовцеву заметить многие важные направления в решении проблем парфянской истории и культуры.

В политических взглядах М. И. Ростовцева постепенно также происходила заметная эволюция. В годы Великой Отечественной войны он внимательно следил за судьбой Родины, активно участвовал в сборе средств среди американских ученых в поддержку Красной Армии. Умер М. И. Ростовцев 20 октября 1952 г. Он прожил долгую и трудную жизнь, и она была отмечена ярким талантом. М. И. Ростовцеву пришлось изведать крупные, поистине трагические повороты судьбы, но, несмотря на это, он пронес через всю жизнь высокое звание и авторитет русского ученого, представителя отечественной культуры.

В 1986 г., знакомясь с фондом М. И. Ростовцева в Центральном Государственном Историческом архиве, я обратил внимание на три главы из его неизвестного сочинения⁵. Главы имеют нумерацию и самостоятельные заглавия, что указывает на законченность текста и вместе с тем на фрагментарность хранящейся в архиве рукописи. По номерам главы идут в следующем порядке: глава II «Так называемые доисторические или протоисторические памятники»; глава V «Государство, религия и культура скифов и сарматов»; глава VI «Государство и культура Боспорского царства». Из контекста V главы становится ясно, что в промежутке между II и V главами речь шла в основном о политической истории Скифии и Сарматии. Упоминания о втором томе книги М. И. Ростовцева «Скифия и Боспор», изучение истории публикации его работ 1918 г. и текстологический анализ текста найденных глав позволяют говорить о том, что эти главы представляют собой продолжение книги «Скифия и Боспор»⁶. Публикация неизвест-

³ ЦГИА. Ф. 1041. Ед. хр. № 117—135.

⁴ Архив ЛО ИА АН СССР. Протоколы заседаний комиссий при Наркомпросе за 1918 г.

⁵ ЦГИА. Ф. 1041. Оп. 1. Ед. хр. № 21. Фонд М. И. Ростовцева разделен на пять больших разделов, содержащих: рукописи и конспекты лекций, его записные книжки, подготовительные материалы к работам (преимущественно к книге «Античная декоративная живопись на юге России». СПб., 1914), переписку с русскими и иностранными корреспондентами и другие разнообразные материалы.

⁶ Редактор этой книги С. А. Жебелев, который и дал ей название «Скифия и Боспор», в 1925 г. обратил внимание на то, что книга должна иметь продолжение в виде второго тома. Поскольку при повторном издании продолжение книги не появилось, в литературе утвердилось мнение С. А. Жебелева о том, что второй том «Скифии и Боспора» вообще не был написан Ростовцевым. См.: Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.—Л., 1953. С. 309.

ных глав исследования М. И. Ростовцева начинается с V главы, которая имеет особую значимость, так как в ней М. И. Ростовцев проводит интереснейший анализ сведений Геродота. Глава в том виде, как она хранится в фонде ЦГИА, не имеет окончания и как бы обрывается на рассмотрении государственного устройства Скифского царства. Однако характер рукописи (беловой вариант) и завершенность других глав говорят о том, что рукопись по неизвестным пока причинам кем-то была, очевидно, разделена еще до поступления в архивный фонд. Кто именно передал архив М. И. Ростовцева в ЦГИА, сказать пока не представляется возможным. Материалы фонда долгое время были не разобраны, только в 1953 г. они были обработаны и разделены на 147 условных единиц хранения. Структура фонда и хронологические рамки указывают на то, что в ЦГИА хранится лишь некая подборка материалов из архива Ростовцева, а не весь архив. Это влечет нас к новым поискам и вселяет надежду, что будут обнаружены и остальные части архивного наследия М. И. Ростовцева.

В. Ю. Зуев

Текст рукописи и комментарии к нему подготовлены к публикации автором этих строк.

